

Эринна в “Речи к эллинам” Татиана (33, 2–5)

В той части *Oratio ad Graecos*, которая традиционно именуется “каталогом мастеров” (Künstlerkatalog), Татиан перечисляет прославленных эллинских скульпторов, увековечивших недостойные, по его мнению, образцы. В гл. 33, 2¹ (= Erinn. Testim. 13 Neri) среди прочих кумиров упомянута и статуя “Эринны Лесбосской” работы Навкида. Поскольку Плиний Старший (XXXIV, 50) относит акмэ Навкида к *Ol.* 95 (400–396 гг. до н. э.), свидетельство Татиана как будто позволяет установить *terminus ante quem* для Эринны – убежденным сторонником такой датировки выступал, в частности, Теодор Бергк². Однако вышедшая в 1887 г. работа А. Калькманна о Татиане³ существенно подорвала авторитет этого писателя в искусствоведческих вопросах; хотя подчеркнуто категоричный вывод Калькманна (“для истории искусств свидетельства Татиана <...> не представляют ни малейшей ценности”)⁴ с тех пор не единожды оспаривался в целом и в частности⁵, оправиться от этого удара христианскому апологету было не суждено⁶. Что касается Эринны, то большой папирусный фрагмент ее поэмы “Прялка” (*Ἠλακάρη*)⁷, найденный в 1928 г. в Оксириинхе (*PSI IX, 190 = SH*

---

¹ Здесь и ниже Татиан цитируется по изданию Мирослава Марковича: *Tatiani Oratio ad Graecos*. Ed. by M. Marcovich (Berlin–N. Y. 1985).

² *Poetae lyrici Graeci*. Tertiis curis rec. Th. Bergk (Lipsiae 1867) 925.

³ A. Kalkmann. Tatians Nachrichten über Kunstwerke // *RhM* 42 (1887) 489–524; опровержению Татиановой датировки Эринны посвящены стр. 504–505.

⁴ *Ibid.*, 523.

⁵ R. C. Kukulka. *Altersbeweis und Künstlerkatalog in Tatian's Rede an die Griechen*: Progr. (Wien 1900); J. Vara Donado. Cronología de Erinna // *Emerita* 41 (1973) 349–376; P. Bernard. Le rhyton de Nisa. I: Poétesses grecques // *Journal des savants* (1985) 97–118 (резюме: *REG* 99 [1986] XXI–XXII; эта последняя апология Татиана нам пока недоступна).

⁶ Перечень ошибок и неточностей Татиана был дополнен Й. Геффкеном (J. Geffken. *Zwei griechischen Apologeten* [Leipzig; Berlin 1907] 110–111); ср. также вывод В. Борнштейна: “der Künstlerkatalog zeigt krasseste Unwissenheit” (W. Bornstein. *Beiträge zu Tatians Rede an die Griechen*: Auszug aus der Inaug.-Diss. [Rostock 1923] 2).

⁷ Это название засвидетельствовано Судой (*η* 521) и Евстафием (*in Il.* I, p. 326, 46 sqq.); дискуссия о его аутентичности, начатая еще Велькером и осо-

401), как кажется, укрепляет доверие к альтернативной датировке Евсевия, который помещает акмэ поэтессы в самую середину IV в. до н. э.⁸ – разумеется, с учетом того, что Эринна (чье новаторство было с благодарностью осознано уже в эпоху эллинизма), подобно любому оригинальному автору, не во всем вписывалась в литературные каноны своего времени, и вообще-то небогатого поэтическими достижениями⁹. *Adhuc sub iudice lis est*; не возвращаясь далее к вопросу о хронологии Эринны, отметим, что “механизм”

бенно широко развернувшаяся после находки папируса, была, как нам представляется (*pase* Камилло Нери, см. ниже прим. 9), закрыта в работе: A. and Av. Cameron. *Erinna's Distaff // CQ* 19 [1969] 285–288. Для заглавия вариант *Ἠλακάτη* кажется более предпочтительным, чем дорийское *Ἀλακάτα* – форма, засвидетельствованная 39 строкой папируса: “dialect poems are not normally known by dialect titles” (M. L. West. *Corinna // CQ* 20 [1970] 277 n. 3).

⁸ Hieron. *Chron.* s. Ol. 107, 1 (= 352 г. до н. э.); ср. Synс. *Ecl. Chron.* 494.

⁹ Единственным сторонником татиановской даты оставался до последнего времени Хосе Вара Донадо (*Vara Donado. Op. cit.*), дополняющий защиту Татиана от Калькманна рядом косвенных соображений в пользу ранней датировки Эринны. Последние, однако, трудно признать убедительными: так, общность языка Эринны и афинских драматургов V в. до н. э. (которая сама по себе еще не является хронологическим аргументом) подтверждена у Вары примерами, или взятыми из антологических эпиграмм Эринны (вслед за Р. Рейценштейном, М. Л. Уэстом и др. учеными мы склонны относить их к числу *pseudepigrapha*), или же основанными на неверном прочтении папируса (*ἔχνη* в ст. 19); единственной корректной параллелью оказывается, таким образом, *πὸς ὄρθρον* (*Erinn. fr.* 401 *SH*, 22) / *πρὸς ὄρθρον* (*Arsph. Lys.* 1089; *Eccl.* 20); ср., однако, *Herond.* 7, 42, где с высокой степенью убедительности восстанавливается то же сочетание. Также беспочвенным остался, на наш взгляд, и тезис Вары о прямом влиянии Эринны на Каллимаха (киренский поэт ценил в стихах *ὑλुकύτης* и *λεπτότης*; “Прялка” удовлетворяет обоим требованиям; следовательно, он не мог ее не проштудировать; и пр.) – сам по себе опять-таки ничего не дающий для хронологии. Совсем недавно Камилло Нери, автор первой со времен находки папируса монографии о Эринне, также высказался в защиту татиановской датировки (*C. Neri. Studi sulle testimonianze di Erinna* [Bologna 1996] 131–138 и 203). Тема и объем настоящей статьи не дают нам возможности сколько-нибудь подробно разбирать остроумную аргументацию Нери, тем более что его книга попала к нам в руки – благодаря любезности автора, – когда работа над этим материалом в основном была завершена; укажем лишь, что языковые параллели между Эринной и Феокритом, отмеченные уже Вителли в *editio princeps* папируса, все же говорят, несмотря на скептицизм болонского исследователя, в пользу более поздней даты.

ошибки Татиана пока не может считаться проясненным, а построение Георга Липпольда (среди засвидетельствованных произведений Навкида есть статуя юноши по имени Бавкид, которого Татиан спутал с героиней “Прялки” Бавкидой) представляется чересчур искусственным¹⁰.

Полемика, развернувшаяся вокруг свидетельства Татиана о статуе Эринны, отодвинула в тень другой пассаж из той же главы *Oratio ad Graecos* (33, 5), непосредственно следующий за перечнем поэтов и как бы резюмирующий его:

Καὶ μὲν Σαπφῶ γύναιον πορνικὸν ἔρωτομανές, καὶ τὴν ἑαυτῆς ἀσέλγειαν ᾄδει· πᾶσαι δὲ παρ’ ἡμῖν σωφρονοῦσιν, καὶ περὶ τὰς ἡλακάτας αἱ παρθένοι τὰ κατὰ θεὸν λαλοῦσιν ἐκφωνήματα σπουδαιότερον τῆς παρ’ ὑμῖν παιδός [τ. π. ὑ. π. σπουδαιότερον P].

Сапфо – женщина развратная и любострастная, и воспевает она собственное беспутство; у нас же все женщины благоразумны, и девушки, сидящие за прялками, изрекают божественные речения лучше, чем эта ваша девица.

Кого имеет в виду Татиан под ἡ παρ’ ὑμῖν παῖς? Как правило, переводчики и комментаторы склонны (*expressis verbis* или же *tacite*) относить эти слова к Сапфо¹¹. В пользу этого как будто говорит *parallelismus membrorum* – начало второй части периода

¹⁰ G. Lippold. *Naukydes 2* // *RE* 16, 2 (1935) 1966; сомнения и возражения см.: *The Greek Anthology: Hellenistic Epigrams*. Ed. by A. S. F. Gow and D. L. Page. II (Cambridge 1965) 281 n. 2; Neri. *Op. cit.*, 131 n. 7. Может быть, с Бавкидой каким-то образом оказался перепутан сам Навкид? Ср. похожую ошибку Плиния Старшего (XIV, 57), смешавшего Мирона и Миро в эпиграмме *AP* VII, 190; впрочем, эта последняя путаница спровоцирована прежде всего контекстом.

¹¹ См., напр.: *S. P. N. Iustini philosophi et martyris Opera quae exstant omnia; nec non Tatiani adversus Graecos oratio* [...] cum mss. collata [...] opera et studio unius ex monachis congregationis S. Mauri (Parisiis 1742) = *PG*, VI [1857] 874 (автором этого издания был Д. Пруденций Маран): “...luce clarius sit Tatianum de Sappho loqui”; *Tatiani Oratio ad Graecos*. Ad optimos libros mss. partim denuo collatos rec. [...] I. C. Th. Otto (Ienae 1851) 130–131: “de Sappho enim sermo est”; *Tatian's, der Kirchenschriftstellers, Rede an die Griechen*. Übers. und mit Einleitung versehen von Dr V. Gröne (Kempten 1872) 74; A. Puech. *Recherches sur le Discours aux Grecs de Tatiens* (Paris 1903) 153; *Сочинения древних христианских апологетов*. В рус. пер., с введ. и примеч. прот. П. Преображенского (СПб. 1895) = *Ранние отцы Церкви* (Брюссель 1988) 398; Татиан. Слово к эллинам. Пер. и комм. Д. Е. Афиногенова // *ВДИ* (1993): 2, 262 и др. Перечень этот, к сожалению,

Эта трудность была осознана автором *editio princeps* Татиана (Цюрих, 1546) Конрадом Гесснером, который, впрочем, видел в ἡ παρ' ὑμῖν παῖς Сапфо и даже готов был защищать эту интерпретацию ценой исправления текста: “Quod si cui non placet, Sappho γύναιον simul ac παῖδα nominari, hoc est, mulierculam et puellam, is, si libet, pro παιδός legat παιδείας, eodem sensu remanente”¹⁵. Сомнения вызывало это место и у Калькманна, который, приводя текст гл. 33 и 34 в цитированной выше статье, ставит после слов τῆς παρ' ὑμῖν παιδός вопросительный знак.

Хотя слово ἡ παῖς в нашем отрывке имеет отчетливые пейоративные коннотации, несколько нивелирующие его обычное значение, соседство с γύναιον все же кажется существенным препятствием для отождествления с Сапфо¹⁶. И.-К. Отто, возражавший Гесснеру при помощи цитаты из словаря Папе, s. v. γυνή (“Das Weib, zunächst als Gegensatz des Mannes [...], ohne Rücksicht auf Alter und darauf ob sie verheirathet ist oder nicht”),¹⁷ на наш взгляд, подменяет одну проблему другой. Безусловно, греческое γυνή представляет собой nomen genericum и в этом качестве не может иметь никаких возрастных ограничений; однако в со- и противопоставлении с παῖς или, допустим, παρθένος значение γυνή неминуемо сужается: ср., напр., Xen. *Anab.* III, 2, 25: γυναιξὶ καὶ παρθένοις ὁμιλεῖν; IV, 5, 9: γυναικας καὶ κόρας καταλαμβάνει; Aesch. fr. 99, 5 Radt; Soph. *Trach.* 148 sq.; [Theocr.] 27, 65–66 et saepius; у Татиана ср. 33, 1. В нашем случае выбор именно слова παῖς для антитезы к παρθένοις кажется неслучайным – особенно если принять во внимание, что выше противопоставлены γύναιον и πᾶσαι δὲ παρ' ἡμῖν σωφρονοῦσιν: σωφρών и его производные – это стандартный комплимент *замужней* женщине (Sem. Amorg. fr. 7, 108–

¹⁵ *Sententiarum sive capitum, theologorum praecipue, ex sacris et profanis libris tomii tres. [...] Tatiani Assyrii, Iustini martyris discipuli, Oratio contra Graecos* (Tiguri 1546) 381.

¹⁶ Слово ἡ παῖς встречается в “Речи...” еще только единожды, применительно к юной Афине (8, 5). Несмотря на то, что речь в этом пассаже опять-таки идет о языческой девице (христианок Татиан называет только παρθένοι: 32, 1; 33, 1), уничижительного оттенка здесь нет: παῖς подчеркивает скорее наивность и беззащитность сироты-Афины, а гнев Татиана устремлен на Гефеста, будто бы соблаздившего невинную девочку при помощи побрякушек. Кроме того, ἡ ἀμήτωρ παῖς – это вариация на тему довольно расхожего поэтического клише (см. аппарат Марковича, ad loc.).

¹⁷ *Op. cit.*, 131, п. 14, со ссылкой также на Лк 22: 56 сл. – где παιδίσκη все же значит не “девушка”, а “служанка” (ср. Мк 14: 66; Ин 18: 17).

110 Diehl; Lys. 1, 10; Xen. *Oec.* 9, 19; Andoc. 4, 14; Theocr. 28, 14 et c.; примеры из христианской литературы см.: *A Patristic Greek Lexicon*. Ed. by G. W. H. Lampe [Oxford 1961] s. v. σωφροσύνη ВЗ)¹⁸.

Предположение о том, что в καὶ περὶ τὰς ἡλακάτας αἱ παρθένοι содержится намек на “Прялку” Эринны (ср. *AP IX*, 190 [= *Erinn. Testim.* 7 *Neri*], 5–6, где о нашей поэтессе сказано: ἢ καὶ ἐπ’ ἡλακάτῃ μητρὸς φόβῳ, ἢ καὶ ἐφ’ ἰστώ / ἐστήκει Μουσέων λάτρις¹⁹ ἐφαλτομένη)²⁰, высказывалось в разное время тремя исследователями – насколько можно судить, независимо друг от друга. Сначала Ганс Флах²¹, а затем Удо Шольц²², изучая вопрос о заглавии поэмы “Прялка”, с равной лапидарностью предложили отождествлять ἢ παρ’ ὑμῖν παῖς с Эринной. По-видимому, та же догадка.

¹⁸ Хелен Норт, обстоятельно исследовавшая историю лексической группы σωφρων, замечает, что хотя в классическую эпоху это прилагательное широко употреблялось и применительно к незамужним женщинам (впервые – *Aesch. Suppl.* 1012 sq.), в святоотеческой литературе – возможно, под влиянием этической терминологии стоиков – σωφρων стало рассматриваться прежде всего как добродетель благочестивой жены и матери (Н. F. North. *Sophrosyne: Self-Knowledge and Self-Restraint in Greek Literature* [Ithaca–N. Y. 1966] 21; 37; 230 n. 97; 307 f.; 319–323; ср. также: E. Bickel. *Diatribes in Senecae philosophi fragmenta* 1 [Leipzig 1915] 204–210).

¹⁹ Общераспространенная ныне поправка Хекера λάθρη кажется нам, при всей ее привлекательности, избыточной: ведь предыдущие слова уже заключают в себе идею “тайного” служения музам. См.: D. N. Levin. *Quaestiones Erinneanae* // *HSCP* 66 (1962) 204 n. 48; *Neri. Op. cit.*, 219–220 (где вслед за Якобсом дается верная, на наш взгляд, грамматическая интерпретация Μουσέων, относящегося ἀπὸ κοινοῦ и к λάτρις, и к ἐφαλτομένη).

²⁰ О выдающейся роли, которую сыграла эта анонимная эпиграмма в формировании “эриннианы” Палатинской антологии, и шире – всей античной биографической традиции о Эринне, см.: O. Crusius. *Erinna* // *RE* 6, 1 (1907) 457 f.; Н. А. Чистякова. *Греческая поэтесса Эринна* // *Вопросы античной литературы и классической филологии* (М. 1966) 225–228; *Neri. Op. cit.*, 216–217 (в то же время на схеме взаимосвязей различных свидетельств о Эринне, которую *Neri* приводит на стр. 236 своего труда, этой эпиграмме неожиданно уделяется место настолько скромное, что его хочется счесть результатом типографской путаницы).

²¹ H. Flach. *Geschichte der griechischen Lyrik nach den Quellen dargestellt* 1 (Tübingen 1883) 521 Anm. 6.

²² U. W. Scholz. *Erinna* // *A&A* 18 (1973) 39. Ср. также: M. L. West. *Erinna* // *ZPE* 25 (1977) 95 n. 2.

но в несколько иной форме была высказана Виламовицем, помогавшим молодому Эдуарду Шварцу в работе над изданием Татиана, которое вышло в 1888 г. в знаменитой серии “Texte und Untersuchungen zur Geschichte der altchristlichen Literatur” О. фон Гебхардта и А. Гарнака (“tantoque opere mihi succurrit, – писал Шварц в предисловии о Виламовице, – ut eum non adiutorem sed alterum editorem dicere deberem”)²³. В индексе, который, по мысли Шварца, должен был отчасти восполнять отсутствие научного комментария к Татиану, s. v. Eginna находим отсылку к καὶ περὶ τὰς ἡλακᾶτας κτλ. со следующим разъяснением: “carmen ‘Ἠλακᾶτην tangi cognovit Wilamowitz”.

Вынужденная сжатость этой фразы не позволяет с уверенностью реконструировать мысль Виламовица; в том же индексе ни s. v. Eginna, ни s. v. Sappho нет отсылки к следующей строке издания Шварца, в которой стоят слова τῆς παρ’ ὑμῖν παιδός. Впрочем, примером того, как поняли и восприняли эту идею последующие исследователи Татиана, может служить цитата из уже упоминавшейся книги Эме Пюэка, в чьем переводе читаем: “...nos vierges, leurs quenouilles en main, répètent les paroles divines; cela vaut mieux que les vers de cette femme (т. е. Сапфо. – В. З.)”, а к слову quenouilles сделано примечание: “По всей видимости, эта деталь вызвана к жизни предыдущим упоминанием о Эринне”²⁴. В таком виде гипотеза Виламовица и в самом деле становится легким объектом для критики; так, Камилло Нери, отказываясь видеть в Tat. 33, 5 отсылку к “Прялке”, задает риторический вопрос (на который мы постараемся ответить ниже): “Зачем Татиану снова намекать на Эринну как на пряжу и автора ‘Ἠλακᾶτη, что явилось бы противоречащим его тезису примером греческой pietas?”²⁵

На наш взгляд, при анализе этого места следует говорить не о трудноуловимых внутренних ассоциациях Татиана, но – вслед за Флахом и Шольцем – о просчитанной аллюзии, преследующей вполне определенные риторические цели. В самом деле, предпо-

²³ *Tatiani Oratio ad Graecos*. Rec. E. Schwartz (Leipzig 1888) VII. Об истории издания см.: F. Parente. *Eduard Schwartz storico del cristianesimo antico // ASPN*, serie III, 9 (1979) 1057–1058.

²⁴ Puech. *Op. cit.*, 153 n. 2.

²⁵ Neri. *Op. cit.*, 184. Хотя Нери и ссылается на Флаха и Шольца, но суть проблемы излагает “по Виламовицу”, ограничивая предполагаемую аллюзию на Эринну словами περὶ τὰς ἡλακᾶτας κτλ. и не упоминая о “вашей девице”.

ложив, что под “этой вашей девицей” скрывается Эринна (на что указывает предикативное περὶ τὰς ἡλακάτας , которое сопровождало первый член антитезы, а здесь должно быть домыслено слушателем: “за прялками наши девицы глаголят лучше, чем пела ваша”), мы окажемся перед лицом стройной хиастической композиции, в каждой из частей которой языческий образец сопоставлен с христианским. Движение мысли Татиана можно реконструировать следующим образом: Сапфо блудница, а наши женщины добродетельны; впрочем, одна из ваших поэтесс также была целомудренной²⁶, однако и ее девицы-христианки превосходят потому, что их слова²⁷, в отличие от ее песен, вдохновлены Богом. Таким образом на примере двух наиболее прославленных эллинских поэтесс (выше в *Künstlerkatalog* статуя Эринны названа сразу следом за статуей Сапфо работы Силаниона)²⁸ утверждается основная мысль всего пассажа, сформулированная ниже в главе 34:

Εἶτα πῶς οὐκ αἰδεῖσθε τοσαύτας μὲν ἔχοντες ποιητρίας οὐκ ἐπὶ τὴν
χρήσιμον, πόρναις τ' ἀπειροῦς, τῶν δὲ παρ' ὑμῖν γυναικῶν δια-
βάλλοντες τὴν σεμνότητα;

Подобные перифрастические наименования вообще являются характерной особенностью “Речи...”, и дело здесь не только в том, что Татиан прошел школу второй софистики: желая сделать обличение “эллинской мудрости” более убедительным, оратор подчеркивает свое близкое знакомство с языческой культурой, свободное владение ее ценностями. Ср.: “Из-за этого-то мы и отказались от вашей мудрости, а между тем я был весьма прославлен в ней” (1, 5); “Все мной изложенное я узнал не от кого-то другого, но,

²⁶ Девственность Эринны – тоpos для посвященных ей эпиграмм Антологии (*AP IX*, 190, 4; VII, 13, 1; IV, 1, 12; также II, 108).

²⁷ К употреблению весьма редкого ἐκφώνημα ср. Tat. 22, 7. По-видимому, речь здесь идет о своего рода молитвенных восклицаниях; ср. Io. Chrys. *De Anna IV*, 6 (*PG* 54, 668): “Ἐξεστὶ καὶ γυναιῖκα ἡλακάτην κατέχουσαν, καὶ ἰστουροῦσαν ἀναβλέψαι εἰς τὸν οὐρανὸν τῇ διανοίᾳ, καὶ καλέσαι μετὰ θερμότητος τὸν Θεόν; Greg. Naz. *Carm. mor.* 29, 265–267 (*PG* 37, 903–904; отметим сходство лексики): “Ὁ τρόπος ἐστὶ γυναιξὶ τὸ τίμιον, οἷκαδε μίμνειν / Πλείονα, καὶ θείοις προσλαλέειν λόγοις, / Ἴστῶ τ' ἡλακάτη τε...”

²⁸ Эринна и Сапфо сопоставлены в *AP IX*, 190, 7–8 – причем пальмы первенства оказываются равно достойны обе поэтессы, каждая в своем жанре. Ср. также неверное указание на Лесбос как на родину Эринны в *Künstlerkatalog*.

обойдя многие земли, во-первых, занимался вашими науками как софист, во-вторых, познакомился со многими искусствами и изобретениями, и, наконец, жил в городе римлян и изучил статуи, перенесенные к ним от вас, во всем их многообразии” (35, 1). Насыщение речи мифологическими и литературными аллюзиями также, по всей вероятности, должно было свидетельствовать о принадлежности автора к числу посвященных. Так, мельком брошенное выражение “Гераклитова тьма” (Ἡρακλείτου σκότος – 3, 1) обыгрывает известное прозвище последнего σκοτεινός, а имя Демокрита (17, 1) влечет за собой витиеватый пассаж, единственная цель которого – показать осведомленность Татиана в биографии философа, греческой фразеологии и легендарной истории Абдер. Нередко Татиан, как и в постулируемом нами случае, не называет того или иного персонажа по имени, предпочитая без труда понятную слушателям загадку: “тот, кто, обещав в Феспиях за одну ночь пятьдесят девиц, умер, отдав себя на съедение огню” (то есть Геракл; 21, 3); “тот, кто говорит, что Солнце – это огненная глыба, а Луна – [другая] земля” (то есть Анаксагор; 27, 7); “Что нелепого в том, чтобы, в согласии с вашим земляком-мудрецом, стареть, все время всему учась?” (35, 4; цитируется Solon. fr. 28 Gentili – Prato)²⁹. В этом ряду, как представляется, стоит и разобранный нами место. Значимой деталью здесь становится упоминание прялки, трактуемой Татианом не только как традиционный атрибут добродетельной женщины, но и как своеобразная “визитная карточка” Эринны, вызывающая в памяти заглавие ее поэмы.

Какие выводы можно сделать из этой интерпретации? Во-первых, возрастает число античных свидетельств о Эринне, како-

²⁹ Любопытную параллель находим в 2, 2: Καὶ Ἀριστοτέλης <...> λίαν ἀπαιδέυτως Ἀλέξανδρον τὸ μεμνηνὸς μεράκιον ἐκολάκευεν, ὅστις (Ἀριστοτελικῶς πάνυ) τὸν ἑαυτοῦ φίλον διὰ τὸ μὴ βούλεσθαι προσκυνεῖν αὐτὸν καθείρξας, ὡσπερ ἄρκτον ἢ πάρδαλιν περιέφερε. Здесь мы также имеем дело с перифразой, спровоцировавшей неверное отождествление – причем в качестве кандидата на роль “друга Александра”, как и в нашем случае, было выбрано ближайшее из упомянутых Татианом имен, т. е. Аристотель (пример такого понимания см.: С. А. Conteras. *Christian Views of Paganism // ANRW II*. 23. 2 [1980] 989 n. 63). На деле у нас нет никаких оснований подозревать Татиана в том, что он ошибочно отнес к Аристотелю факт легендарной биографии Каллисфена (ср. Diog. L. V, 5; Plut. *Alex.* 55, 9; *FGrHist* 124, T 18), и речь в процитированном пассаже идет именно о племяннике Аристотеля.

вых за пределами Палатинской антологии во всей древней литературе насчитывается менее десятка. Во-вторых, из оценки Татиана следует, что “Прялка” имела репутацию сочинения серьезного и дельного: как видим, даже ниспровергатель языческих ценностей не в силах отказать ей в *σπουδαίότης*³⁰. Наконец, в-третьих, как уже было отмечено выше, слова *περὶ τὰς ἡλακάτας* в разобранном отрывке стоят в предикативной позиции; а следовательно, Эринна, как и противопоставленные ей христианские девицы, изрекала (в ее случае это означает “пела”) свои стихи *за прялкой*. В сущности, свидетельство Татиана развивает и комментирует уже упоминавшиеся стихи *AP IX, 190, 5–6*, в которых о нашей поэтессе сказано, что она “из страха перед матерью служила Музам за прялкой и ткацким станком”;³¹ в качестве источника этой биографической детали естественно предположить саму Эринну.

Таким образом, татиановский пассаж подводит нас к важному вопросу о смысле заглавия *Ἠλακάτη*, которое Пауль Маас аттестовал как “unverständlich”³², а современные комментаторы склонны толковать то как аллегорию поэтического труда³³, то – учитывая тренодическое содержание папирусного фрагмента – как

---

³⁰ Индекс к Татиану в изданиях Шварца и Марковича (s. v. *σπουδαίος*) убеждает, что речь в нашем месте идет не об эстетических (как считал, к примеру, Отто [*Op. cit.*, 131]: “... multo *praeclarior*, quam vestra illa puella, divina oracula pronuntiant”), а именно об этических достоинствах поэмы (так уже у Гесснера [*Op. cit.*, 361; 381]: “multo honestiore studio”, “maiori devotione”). Из этого следует, в частности, что гомозротические мотивы, о которых любят говорить исследователи последнего времени в связи с отношениями Эринны и Бавкиды (см., напр.: S. Barnard. *Hellenistic Women Poets // CJ 73 [1978] 208*; J. Rauk. *Erinna's Distaff and Sappho fr. 94 // GRBS 30 [1989] 115*; полный перечень: Neri, *Op. cit.* 144 n. 13) по меньшей мере не были выражены в тексте “Прялки” *explicit*.

³¹ Ср. также *AP II, 108–110* (Христордор; описание статуи Эринны в термах Зевксиппа в Константинополе), где сочетание *ἐνὶ σιγῇ*, по нашему мнению, несет на себе логическое ударение (Эринна не пряла, но тем не менее сочиняла стихи, хоть и в молчании); ср. параллельное место в ст. 190 сл., где *ἐνὶ σιγῇ* также является ударным.

³² P. Maas. *Erinna // RE Suppl. 6 (1935) 55*; ср.: *Idem. Erinnae in Baucidemenia // Hermes 69 (1934) 206 sq.*

³³ Levin. *Op. cit.*, 200, со следующим выводом: “В отличие от обычных прялок, используемых Эринной и ее соратницами в повседневной работе, речь идет о символической прялке Муз, которая выпрядает нить поэмы”.

намек на прялку Мойр³⁴. На наш взгляд, более естественно предполагать, что *Ἠλακάτη* представляла собой песню за работой: Эринна-героиня поэмы, лишенная возможности участвовать в похоронах Бавкиды (ст. 31–34 папируса) и вынужденная по приказу матери (*AP IX*, 190, 5–6) заниматься постылым повседневным трудом, поверяла прялке свою скорбь и свои воспоминания. Таким образом, в вопросе о смысле заглавия мы призываем вернуться к толкованию Якобса, данному более чем за столетие до находки папирусного отрывка: “*Fortasse Erinnae Ἠλακάτη nomen traxit inde, quod a puella colum versante concinnatum erat*”³⁵.

В. В. Зельченко

Санкт-Петербургский университет

Dans le texte de Tat. *Or. ad Gr.* 33, 5, ἡ παρ' ὑμῖν παῖς n'est point Sappho, comme le remarquait déjà le scholiaste, mais Erinna, les mots *περὶ τὰς ἡλακάτας αἱ παρθένοι* faisant allusion à la fameuse *Ἠλακάτη* de celle-ci (cf. *AP IX*, 190, 5–6). Cette identification, proposée indépendamment plus d'une fois (par Flach, Wilamowitz – dans une note malheureusement trop laconique qui provoqua peut-être les interprétations erronées – et puis par Udo W. Scholz), est négligée par les éditeurs de Tatien; récemment C. Neri la mit en doute. Il est pourtant à noter que:

a) ἡ παῖς à côté de γόνατον fait penser plutôt à une opposition qu'à l'évocation du même personnage (*pace Otto*);

---

³⁴ Levin. *Ibid.* (Левин выдвинул сразу несколько толкований) и особенно A. and Av. Cameron. *Op. cit.*, 288. В сущности, основа для обоих этих объяснений была заложена Аккиле Вольяно, который предлагал для разрешения вопроса о смысле заглавия исследовать поэтические коннотации слова *ἡλακάτη* / colus (A. Vogliano. *Neue Fragmente der Erinna // Gnomon* 5 [1929] 171).

³⁵ *Anthologia Graeca, sive poematum Graecorum lusus, ex recensione Brunckii.* XIII (Lipsiae 1814) 890; см. также: *Delectus epigrammatum Graecorum, quem novo ordine concinnavit et commentariis in usum scholarum instruxit F. Jacobs* (Gothae et Erfordiae 1826) 93. В поддержку этой точки зрения высказались также последние издатели фрагментов Эринны Х. Ллойд-Джонс и П. Парсонс (*Supplementum Hellenisticum* [Berlin – N. Y. 1983] 187). Подробное изложение всей полемики о заглавии см.: Neri. *Op. cit.*, 181–184.

b) les périphrases de ce genre sont assez fréquentes dans l'*Oratio* dont l'auteur affiche ainsi sa connaissance de la culture payenne qu'il s'acharne à combattre (cf. 2, 2; 21, 3; 27, 7; 35, 4 et c.);

c) on peut répondre à la question posée par Neri (“non si comprende per quale motivo Taziano dovrebbe alludere nuovamente a Erinna come poetessa filatrice e autrice di una *Conocchia*”) en reconstruisant le sens du passage de la manière suivante: “Sappho que vous vénerez tellement n'était qu'une dépravée, tandis que nos femmes sont chastes; il est vrai qu'une de vos poétesses était chaste elle aussi (la virginité d'Erinna fait un lieu commun chez les auteurs de l'Anthologie; v. IX, 190, 4; VII, 13, 1; IV, 1, 12; II, 108), mais les prières des nos jeunes filles ont plus de valeur que ses vers”.

Il en résulte en particulier que l'*Ἠλακάτη* représentait un monologue, ou plutôt un chant, d'Erinna fileuse (cf. *AP* IX, 190, 5–6 et surtout II, 109–110); c'est ainsi qu'il faut expliquer, avec Jacobs et *contra* D. N. Levin, A. et Av. Cameron etc., le titre étrange de son poème.